

УДК 343.611

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ УБИЙСТВА И НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА И. И. ГОРЕЛИКА

И. О. ГРУНТОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Жизнь человека является абсолютным благом, дарованным нам природой, и представляет основополагающую ценность в обществе и государстве. На этом основании убийство считается самым тяжким и наиболее строго наказуемым преступлением. В связи с этим изучение объективных и субъективных признаков составов этих посягательств, квалифицирующих убийства обстоятельств связано с правильной уголовно-правовой оценкой содеянного, индивидуализацией наказания, предупреждением и пресечением совершения таких деяний. Теоретическое исследование вопросов понимания преступлений против жизни, изучение их признаков началось во второй половине XIX в., продолжилось в период существования СССР и активно ведется в настоящее время. Необходимо отметить, что в этом научном процессе важное место занимают теоретические взгляды профессора И. И. Горелика. Особую актуальность они приобретают в преддверии 100-летия со дня рождения известного ученого.

Ключевые слова: квалификация убийства; объект уголовно-правовой охраны; квалифицирующие признаки убийства; убийство с особой жестокостью; убийство из хулиганских побуждений.

ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF MURDER AND SCIENTIFIC VIEWS OF PROFESSOR I. I. GORELIK

I. O. GRUNTOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Human life is an absolute blessing given to us by nature and is a fundamental value in our society and state. On this basis, murder is considered the most serious and most severely punishable crime. In this regard, the study of the objective and subjective signs and the qualifying circumstances of these crimes is associated with the correct criminal-legal assessment of the crime, the individualisation of punishment, the prevention and suppression of such acts committed. The theoretical study of the issues of understanding crimes against life, the study of their signs began in the second half of the 19th century, continued during the existence of the USSR and is being actively investigated at the present time. It should be noted importance of the theoretical views of professor I. I. Gorelik in this area. They acquire particular relevance on the eve of the centenary of the birth of the famous scientist.

Keywords: qualification of murder; object of criminal law protection; qualifying signs of murder; murder with special cruelty; murder based on hooligan motives.

Введение

Публикация является продолжением доброй традиции обращения к трудам и опыту ведущих ученых в области уголовного права Беларуси. Ра-

нее в связи со 100-летием заведующего кафедрой уголовного права БГУ, доктора юридических наук, профессора Ивана Станиславовича Тишкевича кол-

Образец цитирования:

Грунтов И.О. Вопросы уголовно-правовой оценки убийства и научные взгляды профессора И. И. Горелика. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;2:13–19.

For citation:

Gruntov IO. Issues of criminal-legal assessment of murder and scientific views of professor I. I. Gorelik. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;2:13–19. Russian.

Автор:

Игорь Олегович Грунтов – доктор юридических наук, профессор; профессор, научный консультант кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Igor O. Gruntov, doctor of science (law), full professor; professor, scientific consultant at department of criminal law, faculty of law. crimlaw.bsu@tut.by

легами были подготовлены статьи о его творческом наследии¹.

Исследование понимания преступлений против жизни и их признаков началось во второй половине XIX в. и нашло отражение в ряде научных публикаций, например, П. Д. Колосовского [1], Н. С. Таганцева [2], А. В. Лохвицкого [3], Н. А. Неклюдова [4], И. Я. Фойницкого [5] и др.

В этих работах рассматривались вопросы о начале уголовно-правовой охраны жизни человека, об объективных и субъективных признаках убийства, квалифицированных видах этого посягательства, об отграничении таких деяний от некоторых преступлений против здоровья и др.

В годы существования СССР происходит дальнейшее углубленное изучение составов посягательств против жизни. Эти вопросы освещались в отдельных научных публикациях: сборнике статей под редакцией Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегала,

Ц. М. Фейнберга [6], трудах С. Мокринского, В. Натансона [7], А. А. Жижиленко [8], М. Д. Шаргородского [9], Д. М. Могильницкой [10], Н. И. Загородникова [11], Э. Ф. Побегайло² и др.

Профессор И. И. Горелик впервые в научной литературе обосновал, выделил, описал и изучил группу преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека. Свои новые научные взгляды и выводы он изложил во многих работах³. Вершиной его научных достижений стала защита в 1965 г. докторской диссертации «Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность и оставление в опасности)»⁴. Исследуя группу посягательств, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека, Иосиф Исаакович изучал и отдельные спорные аспекты уголовно-правовой оценки убийств и высказывал свои взгляды по данной проблеме. Рассмотрим наиболее важные выводы и подходы ученого к анализу вопросов квалификации убийств.

Основная часть

В соответствии с ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь 1999 г. под убийством понимается «умышленное противоправное лишение жизни другого человека». Потерпевшим от этого преступления может быть только человек. Не может идти речи об убийстве ни до начала жизни, ни после ее прекращения. Момент начала жизни человека имеет значение для понимания убийства и отграничения его от других преступлений. Несмотря на важность этого вопроса, ранее в литературе он по-разному трактовался учеными.

Приведем несколько примеров. Так, М. Д. Шаргородский по этому поводу отмечал, что «если преступление направлено против еще не родившегося (плода), деяние рассматривается не как убийство, а как аборт... Моментом начала самостоятельной жизни младенца обычно считают начало дыхания (что одновременно принимается и в качестве до-

казательства того, что ребенок родился живым)» [12, с. 480].

В противоположность этому А. А. Пионтковский считал, что «наиболее правильно с точки зрения социалистического правосознания охранять уголовным законом жизнь человека уже в самом процессе рождения. Поэтому следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от матки матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начал дышать)» [13, с. 22].

Рассматривал этот вопрос и профессор И. И. Горелик. Ученый в своих публикациях последовательно высказывал мысль, что «гранью между аборт-

¹Барков А. В. Иван Станиславович Тишкевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 3–6; Грунтов И. О. Учение о неоконченном преступлении и теоретические взгляды профессора И. С. Тишкевича // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 7–14; Захилько К. С. Момент окончания криминального банкротства и значение взглядов И. С. Тишкевича о незаконченном преступлении для его определения // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 15–20; Мороз Д. Г. Научное наследие профессора И. С. Тишкевича в развитии уголовно-правовой доктрины и законодательства о преступлениях против собственности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 21–29; Савенок А. Л., Бахур О. И. Необходимая оборона и задержание преступника в трудах профессора И. С. Тишкевича // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 30–35; Лапцевич И. И. О некоторых вопросах уголовно-правовой и уголовно-процессуальной регламентации задержания лица, совершившего преступление // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 43–49.

²Побегайло Э. Ф. Уголовно-правовая борьба с умышленными убийствами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Воронеж, 1964. 24 с.

³Горелик И. И. Общее понятие преступления оставления в опасности // Учен. зап. Белорус. гос. ун-та. 1957. Вып. 34. С. 17–36; Горелик И. И., Меркушев М. Н. Преступления против личности в проекте УК БССР // Правоведение. 1960. № 2. С. 149–153; Горелик И. И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 72 с.; Он же. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск : Выш. школа, 1964. 192 с.; Он же. Оставление в опасности и убийство (разграничение составов) // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. История. Философия. Экономика. Право. 1970. № 1. С. 71–76; Он же. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. Минск : Выш. школа, 1971. 91 с.

⁴Горелик И. И. Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность и оставление в опасности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук :12.00.08. Л., 1965. 37 с.

том и убийством является начало родовых схваток, и умерщвление ребенка в этот момент уже должно считаться убийством» [14, с. 81; 15, с. 154–155].

Со времени принятия УК Республики Беларусь 1999 г. вопрос о моменте начала человеческой жизни был решен на законодательном уровне. Теперь в уголовном законе предусмотрена новая ст. 140, устанавливающая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Согласно данной норме с объективной стороны посягательство состоит в «убийстве матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них...». Следовательно, в соответствии с законом любые умышленные действия в этот период времени, направленные против существования неродившегося ребенка, должны оцениваться как убийство, а не как незаконное производство аборта. При этом необходимо отметить, что начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом возникновения родовых схваток при беременности сроком свыше 22 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни. Умерщвление ребенка в процессе родов является убийством. Умерщвление плода в утробе матери независимо от срока беременности до начала родовых схваток при определенных обстоятельствах может рассматриваться как незаконное производство аборта (ст. 156). Такой подход характерен в настоящее время для всей отечественной учебной и научной литературы.

В России ситуация несколько иная: после принятия УК Российской Федерации 1996 г. отдельные ученые по-прежнему не связывают начало человеческой жизни с моментом родовых схваток на определенном сроке беременности. Так, например, О. В. Лукичев определяет начало уголовно-правовой охраны человеческой жизни с момента появления в процессе родов какой-либо части тела вне утробы матери⁵. Другой исследователь, А. Н. Красиков, начальным моментом жизни человека считает время констатации полного изгнания или извлечения продукта зачатия из организма женщины [16, с. 9–10].

Профессор И. И. Горелик исследовал правовые вопросы пересадки органов и тканей человека. Он одним из первых затронул в литературе уголовно-правовой аспект трансплантологии. Ученый отмечал, что «с распространением в будущем лечения путем пересадки органов не исключены случаи убийства с целью получения трансплантата. Когда список “банка органов” расширит номенклатуру живых узлов и деталей, “разукомплектование” людей может стать зловещим повторением разворовывания автомашины. Правовой заслон должен быть поставлен прежде всего против такой опасности... Заведомо неправильная констатация

смерти намеченного донора, который является жизнеспособным, но ему не оказывается медицинская помощь с тем, чтобы использовать его органы для другого, ничем не отличается от умышленного убийства» [17, с. 208–209]. Вместе с тем известный ученый с сожалением констатировал, что «ни одним из составов умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, известных действующему законодательству, случаи лишения жизни для получения трансплантата не охватываются» [17, с. 210].

В действующем УК Республики Беларусь 1999 г. предложения ученого были учтены. В п. 9 ч. 2 ст. 139 предусмотрена ответственность за убийство, совершенное для получения трансплантата либо использования частей трупа. Для применения этой нормы не требуется, чтобы виновный в результате достиг цели, необходимо установить сам факт совершения убийства для получения трансплантата либо использования частей трупа.

В УК БССР 1960 г. убийство из корысти квалифицировалось по п. «а» ст. 100. В судебной практике к такому преступлению относили лишение жизни в целях завладения имуществом или деньгами, получения иной материальной выгоды на внешне законных основаниях (например, наследства, должности, квартиры), сохранения имущества, которое должно быть передано другому лицу, получения вознаграждения (наемный убийца).

В научной литературе того периода некоторые исследователи считали, что корыстным следует считать и убийство, совершенное ради спасения своего малоценного имущества. Это мотивируется тем, что, спасая свое малоценное имущество, виновный желает получить определенную материальную выгоду – удержать его.

Профессор И. И. Горелик обосновывал, объясняя на примерах из судебной практики, что с таким подходом согласиться нельзя. Ученый писал, «...что мотивом убийства являются в таком случае низменные побуждения, спора нет. Но эти низменные побуждения не являются все-таки корыстными, ибо виновный не стремится завладеть чужим имуществом или незаконно получить материальную выгоду. <...> Убийство, совершенное при охране личного имущества, не является убийством из корыстных побуждений» [18, с. 38].

В настоящее время в судебной практике и научной литературе этот подход является абсолютным. В источниках отмечается, что убийство не может признаваться совершенным из корыстных побуждений, если оно произошло при охране имущества виновным, последний совершает убийство в целях возвращения собственного имущества, находящегося у потерпевшего неправомерно или в связи с неправомерным использованием имущества потер-

⁵Лукичев О. В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2000. 109 с.

певшим, данное преступление совершается в связи с негодным виновному решением имущественного спора и др. [19, с. 741].

По п. «б» ст. 100 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) УК БССР 1960 г. квалифицировалось убийство из хулиганских побуждений. В судебной практике того периода довольно часто встречались ошибки, связанные с тем, что понятие «хулиганские побуждения» отождествлялось с хулиганством как общественно опасным посягательством в целом. В результате такого упрощенного подхода убийство квалифицировалось по п. «б» ст. 100 УК БССР 1960 г., если оно было связано с нарушением общественного порядка.

Профессор И. И. Горелик, анализируя судебную практику, в связи с этим отмечал, что «понятие “хулиганские побуждения” (в ст. 100 УК) и понятие “хулиганство” (в ст. 201 УК) нетождественны. В последней “хулиганские побуждения” характеризуют лишь один из элементов этого состава преступления. Поэтому определение убийства из хулиганских побуждений, как только убийства, связанного с нарушением общественного порядка, является, с одной стороны, необоснованно широким, поскольку охватывает собой и убийства на почве личных неприязненных отношений, что исключает хулиганские побуждения... с другой стороны, необоснованно узким, поскольку хулиганские побуждения, толкнувшие на убийство, могут и не сопровождаться нарушением общественного порядка. Поэтому убийство из хулиганских побуждений будет и в том случае, когда оно не было связано с нарушением общественного порядка: убийство в отсутствие свидетелей (убийство девушки, отклонившей предложение проводить ее до дома, парня, не давшего прикурить, мужчины, отказавшегося “распить бутылку”, прохожего, который почему-то не понравился и т. п.)» [18, с. 41–42].

В настоящее время такой подход при оценке убийства из хулиганских побуждений применяется в судебной практике Республики Беларусь. Он нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда от 2 июня 2011 г. № 3, от 31 марта 2016 г. № 2), где в п. 17 отмечается, что «по п. 13 ч. 2 ст. 139 УК квалифицируется убийство из хулиганских побуждений, т. е. совершенное на почве явного неуважения к обществу, когда поведение виновного обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития. Это преступление может совершаться без повода или с использованием незначительного повода... Если виновный, помимо убийства, совершил также иные умышленные действия, грубо нарушающие обще-

ственный порядок, выражающие явное неуважение к обществу и сопровождающиеся применением насилия или угрозы его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества, то содеянное им надлежит квалифицировать по п. 13 ч. 2 ст. 139 и соответствующей части ст. 339 УК».

По п. «е» ст. 100 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) УК БССР 1960 г. квалифицировалось убийство, совершенное с особой жестокостью. В судебной практике республики возник спорный вопрос о квалификации убийства, совершенного двумя лицами, если лишь одно из них действовало с особой жестокостью.

Известный ученый, рассматривая эту проблему, использовал пример из судебной практики. Суть его состояла в следующем: «С. и Г. совершили убийство Ч. при следующих обстоятельствах. С. узнал, что житель деревни Модейки Ч. намеревается сообщить органам власти о том, что он, С., занимается самогонварением. На вечере животноводов, где находился и Ч., С. договорился с Г. убить Ч. С этой целью Г. вызвал Ч. из клуба якобы для того, чтобы выпить на квартире у С. Подойдя к дому С., Г. и С., желая удостовериться, что Ч. нечем защищаться, обыскали его, а затем повели к лесу и там стали избивать.

С. наносил удары Ч. в разные части тела инструментом, предназначенным для прокола брюшной полости животных при заболеваниях острой трептомией, а Г. бил Ч. только руками. На теле убитого обнаружены 24 колото-резаные раны, из них 6 на голове, одна из которых проникает в полость черепа, 3 – на спине, одна из которых проникает в грудную полость, 2 – в области шеи и 12 – в области лица» [18, с. 51].

Анализируя эту ситуацию, исследователь отмечал, что вопрос о квалификации действий соисполнителя (в данном случае Г.) является частью вопроса о вменении ему отягчающих (в том числе квалифицирующих) обстоятельств, относящихся к личности исполнителя. Такая ситуация возникает, разумеется, лишь тогда, когда эти обстоятельства известны соисполнителю или соучастнику.

И. И. Горелик писал, что при рассмотрении этой проблемы возможны три варианта решения. «Согласно первому из них обстоятельства, характеризующие личность исполнителя, если они влияют на квалификацию преступления, как это имеет место при умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, не определяют квалификацию действий соисполнителя. В таком случае по п. «е» ст. 100 УК должны квалифицироваться только действия С. Такой взгляд учитывает лишь объективные свойства содеянного и не учитывает того, что соисполнителю известны обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя, и, несмотря на это, он содействует ему в его преступной деятельности. В данном случае Г. знал, что С. совершает убий-

ство с особой жестокостью и вместе с ним с целью лишения жизни потерпевшего избивал его руками» [18, с. 51–52].

Ученый отмечал, что «согласно второму варианту все обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя и влияющие на квалификацию преступления и наказание, вменяются и соисполнителю, поскольку они были ему известны. Такой взгляд ведет к переоценке значения субъективных свойств содеянного. В данном случае пришлось бы не только квалифицировать действия Г. по п. «е» ст. 100 УК, но и определить ему такое же наказание, как и С., действовавшему с особой жестокостью» [18, с. 52–53].

Согласно третьему варианту, действия соисполнителя должны квалифицироваться по тому же закону, что и действия исполнителя, поскольку ему известны обстоятельства, относящиеся к личности первого, и, несмотря на это, он оказывает ему содействие. Однако поскольку повышенная ответственность законом установлена именно в связи с обстоятельствами, относящимися к личности, при назначении наказания должно учитываться, кого из участников преступления характеризуют эти обстоятельства.

Верховный Суд БССР придерживался иной точки зрения. Судебная коллегия по уголовным делам в определении от 23 августа 1966 г. по упоминаемому делу признала квалификацию по п. «е» ст. 100 УК, данную судебной коллегией по уголовным делам Гродненского областного суда в приговоре от 21 июля 1966 г., правильной как в отношении С., так и в отношении Г. Наказание же им назначено разное: С. – высшая мера, Г. – длительный срок лишения свободы.

По мнению профессора И. И. Горелика, «позиция Верховного Суда БССР представлялась единственно правильной, соответствующей понятию преступления как совокупности объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, и принципу личной ответственности, основанной на степени опасности содеянного и степени опасности личности виновного» [18, с. 53].

По п. «е» ст. 100 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) УК БССР 1960 г. квалифицировалось убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей. И. И. Горелик, анализируя судебную практику в ситуациях умышленного убийства, совершенного с применением огнестрельного оружия, пришел к выводу, что используемая в ст. 100 УК БССР 1960 г. формулировка квалифицирующего обстоятельства как убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей, понимается судами несколько шире, чем это закреплено в законе.

Ученый отмечал, что «в судебной практике этот способ признается имеющим место, даже если опасность создается для жизни только еще одного человека, кроме убитого. Очевидно, что опас-

ность для жизни “многих людей” и опасность для жизни “другого человека” – понятия не тождественные» [18, с. 53–54]. По мнению исследователя, признание практикой достаточным для состава умышленного убийства, предусмотренного п. «е» ст. 100 УК БССР 1960 г., создания опасности для жизни хотя бы одного лица, кроме убитого, было бы целесообразно отразить в формулировке закона, заменив в нем слова «многих людей» словами «другого лица».

Предложение И. И. Горелика ныне учтено в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)», где в п. 9 отмечается, что «квалифицирующим признаком данного преступления является способ убийства, поэтому действия виновного подлежат квалификации по п. 5 ч. 2 ст. 139 УК и тогда, когда от них пострадал только один человек».

Наличие в УК БССР 1960 г. специального состава умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 106 УК), вызывало значительные трудности при его разграничении с умышленным убийством.

Профессор И. И. Горелик по этому поводу писал, что «если при нанесении телесных повреждений виновный сознает, что они опасны для жизни, то, по всей вероятности, он не может не сознавать, что может наступить и смерть потерпевшего. Одного этого достаточно, чтобы увидеть, насколько тесно переплетаются составы преступлений, предусмотренные ст. 101 (100) и 106 УК» [18, с. 54].

Ученый, проанализировав практику Верховного Суда БССР, сформулировал имеющие большое значение для правоприменительной деятельности положения о разграничении составов умышленного убийства и умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть: «...состав умышленного убийства имеет место, если телесные повреждения наносились в жизненно важные органы и таким орудием или способом, которые свидетельствуют о сознании виновным неизбежности или возможности причинения смерти потерпевшему; состав умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, имеет место, если она наступила вследствие телесных повреждений не жизненно важных органов (а), либо жизненно важных органов, но орудием или способом, не свидетельствующим о сознании виновным возможности причинения смерти (б)» [18, с. 57–58].

Научные выводы исследователя ныне учтены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 9 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2011 г. № 10, от 29 марта 2012 г. № 2, от 26 марта 2015 г. № 3), где в п. 18 отмечается, что при отгра-

ничении убийства от тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, необходимо иметь в виду следующее: «Неосторожная вина по отношению к наступившей смерти может характеризоваться, в частности, ранением хотя и жизненно

важных органов человека, но способом или орудием, не свидетельствующим о сознании виновным возможности причинить смерть, либо повреждением органов, не являющихся жизненно важными, и другими подобными обстоятельствами».

Заключение

С момента публикации первых работ И. И. Горелика, посвященных проблемам понятия и сущности преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека, и преступлений против жизни, прошло более 60 лет. В годы существования СССР и после его распада в новых независимых государствах многие авторы исследовали проблему уголовно-правовой оценки убийств: С. В. Бородин (1960, 1977, 1994, 1999, 2003), А. В. Наумов (1969), И. С. Тишкевич (1991), А. Н. Красиков (1999), С. Х. Нафиев (1999), А. Н. Попов (2001, 2003), П. С. Яни (2002), Р. В. Локк

(2003), О. В. Белокуров (2004), Э. В. Карбушев (2004) и др.

Можно отметить, что многие современные авторы разделяют взгляды, подходы, научные выводы и предложения И. И. Горелика по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности. Это свидетельствует о том, что труды ученого не потеряли актуальности, представляют значительный интерес для исследователей разных стран и оказывают влияние на развитие науки уголовного права.

Библиографические ссылки

1. Колосовский ПД. *Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому уголовному праву П. Колосовского*. Москва: Типография Т. Т. Волкова и К°; 1857. 290 с.
2. Таганцев НС. *О преступлениях против жизни по русскому праву. Том 1*. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Неклюдова; 1870. 466 с.
3. Лохвицкий АВ. *Курс русского уголовного права*. Санкт-Петербург: Скоропечатня Ю. О. Шрейера; 1871. 671 с.
4. Неклюдов НА. *Руководство к особенной части русского уголовного права. Том 4*. Санкт-Петербург: Типография П. П. Меркулева; 1880. 555 с.
5. Фойницкий ИЯ. *Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество*. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича; 1890. 406 с.
6. Краснушкин ЕК, Сегал ГМ, Фейнберг ЦМ, редакторы. *Убийства и убийцы*. Москва: Издательство МосЗдравОтдела; 1928. 376 с.
7. Мокринский С, Натансон В. *Преступления против личности*. Харьков: Юридическое издательство Наркомюста УССР; 1928. 130 с.
8. Жижиленко АА. *Преступления против личности*. Москва: Государственное издательство; 1927. 140 с.
9. Шаргородский МД. *Преступления против жизни и здоровья*. Москва: Юрлитиздат; 1947. 512 с.
10. Бородин СВ. *Квалификация убийств по советскому уголовному праву*. Москва: НИИРИО ВШ МООП РСФСР; 1963. 221 с.
11. Загородников НИ. *Преступления против жизни по советскому уголовному праву*. Москва: ЮЛ; 1961. 166 с.
12. Беляев НА, Шаргородский МД, редакторы. *Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Том 3*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1973. 836 с.
13. Пионтковский АА, Ромашкин ПС, Чхиквадзе ВМ, редакторы. *Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Том V. Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления*. Москва: Наука; 1971. 570 с.
14. Горелик ИИ. *Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву*. Минск: Вышэйшая школа; 1964. 192 с.
15. Горелик ИИ. *Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья*. Минск: Вышэйшая школа; 1973. 320 с.
16. Красиков АН. *Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России*. Саратов: Полиграфист; 1996. 211 с.
17. Горелик ИИ, Дагель ПС, Дубовик ОЛ, Жалинский АЭ, Квашиш ВЕ, Келина СГ и др. *Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции*. Москва: Наука; 1980. 296 с.
18. Горелик ИИ, Тишкевич ИС. *Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР*. Минск: Вышэйшая школа; 1976. 240 с.
19. Попов АН. *Убийства при отягчающих обстоятельствах*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2003. 898 с.

References

1. Kolosovskii PD. *Ocherk istoricheskogo razvitiya prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya. Opyt issledovaniya po russkomu ugovolnomu pravu P. Kolosovskogo* [Sketch of the historical development of crimes against life and health. Research experience on Russian criminal law by P. Kolosovskii]. Moscow: Tipografiya T. T. Volkova i K°; 1857. 290 p. Russian.
2. Tagantsev NS. *O prestupleniyakh protiv zhizni po russkomu pravu. Tom 1* [On crimes against life according to Russian law. Volume 1]. Saint Petersburg: Tipografiya N. A. Neklyudova; 1870. 466 p. Russian.
3. Lokhvitskii AV. *Kurs russkogo ugovolnogo prava* [Russian criminal law course]. Saint Petersburg: Skoropchatnya Yu. O. Shreiera; 1871. 671 p. Russian.

4. Neklyudov NA. *Rukovodstvo k osobennoi chasti russkogo ugovnogo prava. Tom 4* [Guide to the special part of Russian criminal law. Volume 4]. Saint Petersburg: Tipografiya P. P. Merkul'eva; 1880. 555 p. Russian.
5. Foinitskii IYa. *Kurs ugovnogo prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stva na lichnost' i imushchestvo* [Criminal law course. The special part. Attacks on person and property]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha; 1890. 406 p. Russian.
6. Krasnushkin EK, Segal GM, Feinberg TsM, editors. *Ubiistva i ubiitsy* [Murders and killers]. Moscow: Izdatel'stvo Mos-ZdravOtdela; 1928. 376 p. Russian.
7. Mokrinskii S, Natanson V. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Kharkiv: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta USSR; 1928. 130 p. Russian.
8. Zhizhilenko AA. *Prestupleniya protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1927. 140 p. Russian.
9. Shargorodskii MD. *Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya* [Crimes against life and health]. Moscow: Yurlitizdat; 1947. 512 p. Russian.
10. Borodin SV. *Kvalifikatsiya ubiistv po sovetскому ugovnomu pravu* [Qualification of murders under Soviet criminal law]. Moscow: NIiRIO VSh MOOP RSFSR; 1963. 221 p. Russian.
11. Zagorodnikov NI. *Prestupleniya protiv zhizni po sovetскому ugovnomu pravu* [Crimes against life under Soviet criminal law]. Moscow: YuL; 1961. 166 p. Russian.
12. Belyaev NA, Shargorodskii MD, editors. *Kurs sovetского ugovnogo prava. Chast' Osobennaya. Tom 3* [The course of the Soviet criminal law. Part Special. Volume 3]. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1973. 836 p. Russian.
13. Piontkovskii AA, Romashkin PS, Chkhikvadze VM, editors. *Kurs sovetского ugovnogo prava. Chast' Osobennaya. Tom V. Prestupleniya protiv lichnosti, ee prav. Khozyaistvennye prestupleniya* [The course of the Soviet criminal law. Part Special. Volume 5. Crimes against the person, rights. Economic crimes]. Moscow: Nauka; 1971. 570 p. Russian.
14. Gorelik II. *Otvetstvennost' za postavlenie v opasnost' po sovetскому ugovnomu pravu* [Responsibility for endangering under Soviet criminal law]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 1964. 192 p. Russian.
15. Gorelik II. *Kvalifikatsiya prestuplenii, opasnykh dlya zhizni i zdorov'ya* [Qualification of crimes dangerous for life and health]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 1973. 320 p. Russian.
16. Krasikov AN. *Ugovno-pravovaya okhrana prav i svobod cheloveka v Rossii* [Criminal law protection of human rights and freedoms in Russia]. Saratov: Poligrafist; 1996. 211 p. Russian.
17. Gorelik II, Dagei' PS, Dubovik OL, Zhalinskii AE, Kvashis VE, Kelina SG, et al. *Sovershenstvovanie mer bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii* [Improvement of measures to combat crime in the conditions of scientific and technological revolution]. Moscow: Nauka; 1980. 296 p. Russian.
18. Gorelik II, Tishkevich IS. *Voprosy ugovnogo prava (Osobennoi chasti) v praktike Verkhovnogo Suda BSSR* [Issues of criminal law (Special part) in the practice of the Supreme Court of the BSSR]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 1976. 240 p. Russian.
19. Popov AN. *Ubiistva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Aggravated murders]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 898 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.04.2021.
Received by editorial board 05.04.2021.